

УДК 32.019.51**Мемориальная политика как элемент российского
политического дискурса: от кейсов к концепции****Медушевский Николай Андреевич**

Доктор политических наук,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Трансформация принципов и структуры политики памяти происходит во всех странах и регионах мира под воздействием внутренних и внешних политических факторов. Россия, которая в период своей новейшей истории резко перешла от коммунистической идеологии сначала к либеральной, а затем и к консервативной идейной и политической модели, также является участником данного процесса. Тем не менее новый образ официальной модели российской исторической памяти достаточно абстрактен, имеет много трактовок и требует глубокого и разностороннего изучения. В связи с этим цель исследования сводится к тому, чтобы проанализировать практику развития политики памяти в России через призму исследования ряда знаковых кейсов последних лет. В качестве таковых кейсов были выбраны важные события российской мемориальной политики, представленные установкой памятников сразу нескольким историческим личностям, в том числе памятников первому русскому царю Ивану Грозному и крестителю Руси князю Владимиру Святому. В статье мы исходим из того, что государство осознанно проводит централизованную политику памяти. Ее символами, в частности, становятся воздвигаемые при государственной поддержке монументы, символизирующие историческое прошлое.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Мемориальная политика как элемент российского политического дискурса: от кейсов к концепции // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 5-14.

Ключевые слова

Политика памяти, рельеф памяти, искажение исторической памяти, монумент, визуализация истории.

Введение

Если представить память человека не как психологический феномен, а как явление, детерминированное социальной активностью индивида, то можно констатировать, что в разных социальных условиях и при разных социальных детерминантах коллективная память получает различный рельеф, что, к примеру, может быть обусловлено уровнем ее конфликтности или, наоборот, пассивности. Рельеф памяти, как и в случае с рельефом местности, несет в себе выраженный элемент воздействия окружающей среды, которая трансформирует относительно гладкую поверхность повседневного социального сотрудничества через воздействие войн, революций, геноцида, репрессий и других социальных катаклизмов, которые эскалируют многие конфликты, в метафоричные скалы и омуты противостояния этносов, наций, культур отдельных социальных групп и кластеров.

Показательно, что трансформации подвержены все элементы социальных отношений, однако в разных ситуациях воздействие происходит по уникальному принципу, затрагивая выборочные фрагменты социальных отношений, например определенный тип социальных институтов или общественную мораль и веру, а возможно, и определенные формы групповой идентичности [Romian, www].

Кроме того, важна и динамика, т. е. нужно оценивать состояния общества или его элементов от исходной точки трансформирующего социум явления до момента, когда возникает выраженный эффект трансформации, который, в свою очередь, обусловлен множеством социальных связей и процессов. Здесь важны связь поколений и принцип сохранения информации. Если в какой-то момент данный принцип нарушается, то возникает ситуация информационного вакуума и актуализируется необходимость восполнения пробелов с использованием текущей информационной повестки. Чем дальше события находятся от наблюдателя, тем выше оказывается уровень искажения первичной информационной картины и тем больше актуализируется конфликтный потенциал воспоминаний.

Принцип неизбежного искажения памяти

Даже при выстроенной связи и преемственности поколений искажение информационной картины неизбежно. Сохраняемая информация никогда не может быть полной. Более того, если данных слишком много, но они не являются универсальными, это также повод для формирования разных позиций [Ibidem].

В таких условиях актуализируется вопрос о том, как оценивать неизбежное искажение информации, так как очевидно, что информация искажается как в системах, которые традиционно трактуются как тоталитарные и авторитарные, так и в системах, обладающих либерально-демократической сущностью. Речь, к примеру, идет о феномене традиционного образа врага, трактовке спорных событий или персоналий. Даже наличие, казалось бы, официальной государственной трактовки и соответствующего «исторического взгляда» вовсе не обязательно ведет к утверждению в обществе политкорректной позиции. Мировая история знает много подобных примеров, когда образ события или человека многократно переиначивается вне контекста исторической реальности того периода. В качестве примера можно привести получивший мировую известность образ кубинского революционера Эрнесто Че Гевары, запечатленный фотографом Альберто Кордой, который в 1960 г. сделал «ту самую» фотографию [История..., www]. Сегодня данный образ популярен во всем «европейском мире»,

хотя он олицетворяет отрицаемую этим миром коммунистическую идеологию и объединение через насилие. Более того, Куба, где прославился Че Гевара, до сих пор находится под американскими санкциями. Показательно также, что образ активно тиражируется антиглобалистами, хотя идеи их кумира были прямо противоположны и связаны с мировой пролетарской революцией, т. е. глобализацией.

Подобные образы есть практически в каждом обществе и в каждой культуре. В российском социальном и политическом дискурсе такими фигурами выступают Иван Грозный, Петр I, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Михаил Горбачев и Борис Ельцин, а также многие другие политики и лидеры разных эпох, начиная с Рюрика, чья роль в генезисе русского государства неоднозначна.

Резонанс каждой из этих фигур в общественном мнении связан с восприятием определенного переломного исторического момента, и фактически общественная дискуссия сегодня идет не о личностях этих политиков, а об оценке совокупности издержек и достижений, сопровождавших период их правления, которые не всегда даже напрямую были связаны с их личностями. В таких условиях принципиальными становятся междисциплинарные технологии, формирующие и реформирующие образы прошлого, распределяющие их акценты и морально-нравственную окраску. В соответствии с этим подходом, любое явление, связанное с памятью, будь то концепт или место, может утратить свое историческое значение или обрести его во многом искусственно. Следует вновь отметить, что это необратимый процесс, который неизбежно провоцирует одни конфликты и преодолевает другие.

Разобщенность исторической памяти по принципу территориальной принадлежности

Неправильно было бы говорить также и о единстве исторической памяти в пространственно-тематическом выражении. Речь идет о том, что у каждой региональной общности есть свои исторические детерминанты, которые в тот или иной момент получают большую актуальность. Здесь интересно посмотреть на «кейс» с установкой памятника Ивану Грозному, имевший место в России в городе Орле в 2016 г.

В последние годы вопрос исторического познания в России встал очень остро. Это обусловлено как внутренними процессами общественной консолидации через патриотизм, так и внешними процессами пересмотра истории на постсоветском пространстве и в мире в целом. В частности, наиболее жестокие «бои» разворачиваются на «украинском фронте», так как, являясь частью единого исторического контекста, связанного с Россией и Восточной Европой, эта страна с середины 2000-х гг., особенно после переворота 2014 г., решила вырвать себя из исторического контекста и написать свою историю с очень высокой долей национализма и мифологизации, ориентированной на западноевропейские ценности.

Украинский переворот в истории – это тема отдельного исследования, однако показательно, что официальная позиция России заключается в противостоянии «фейковой истории» во всех ее проявлениях через демонстрацию фактов, будь то летописи, архивные документы, мемуары или археологические находки. Эта позиция многократно обозначалась на высшем политическом уровне [Путин..., www]. Безусловно, это сильная позиция, которую может позволить себе лишь государство, у которого есть все необходимые доказательства и ресурсы их популяризации.

Тем не менее современное общество очень волатильно, и публикация какого-то архивного документа не может перевернуть его мировоззрение, так как параллельно действует процесс

искажения, дополнения и даже переименования смысла данного абстрактного документа, который реализуется не владельцем источника, а множеством медиаторов, стоящих между владельцем и потребителем, например СМИ, аналитические центры и др. Ситуация от буквального восприятия (например, зачитывание указа на главной площади в архаичный период) трансформируется в ситуацию «сломанного телефона», когда потребитель еще понимает, о чем говорят, но уже не воспринимает исходных смыслов и формирует в отношении объекта заведомо искаженное восприятие.

В таких условиях государство или иные силы, администрирующие процесс формирования и реформирования исторической памяти, вынуждены искать средства подтверждения и популяризации собственных заявлений и тех фактов, которые они привели. Ситуация выглядит абсурдной, так как доказанная теорема уже не требует подтверждения, но в реальности получается, что контрагенты вовсе игнорируют доказательство и часто отрицают или переименовывают даже исходный тезис.

Борьба на поле доказательной истории в таких условиях требует символизации, что, в свою очередь, ведет к тому, что начинает создаваться все больше культурных объектов, мест памяти и памятников, которые своим статусом монумента должны повлиять на реципиента информации на ментальном уровне – создать образ, который запомнится и будет соотноситься со многими смыслами в сознании реципиента, перевешивая их значение, если оно провокативно, или подкрепляя его, если оно «верно».

Как следствие, установка монумента Ивану Грозному – первому русскому царю, которого многие историки представляли и представляют в своих работах как тирана, стала тем самым символом, который должен был обратить реципиента к позитивному мышлению. К примеру, обратный эффект мог бы быть создан, если бы скульптура имитировала сцену с картины «Иван Грозный убивает собственного сына»¹, которая, будучи написана в конце XIX в. Ильей Репиным, также имела политический смысл, демонстрируя кризис одной династии, на смену которой затем пришла другая – правящая на тот момент династия Романовых.

На сегодняшний день смыслы российской истории изменились. Первый царь и создатель российского государства, каким бы плохим и жестоким он ни был, не может быть официально представлен с негативной стороны: действует принцип *ad bene, ad nihil*. И в данном случае именно позитивная роль царя становится приоритетом в создании нового места памяти, где царь представлен как создатель, основавший великий город Орел.

Тем не менее создание образа, формирующего тип мышления, не означает отрицание дискуссий и полное отсутствие критики. Здесь можно провести параллели с установкой памятников советским вождям, которые ставились за государственный счет и чья установка, смысл и художественный облик не обсуждались с обществом. В ситуации с памятником Ивану Грозному имела место широкая дискуссия, предпринимались попытки добиться сноса памятника. Более того, из-за недовольства граждан были изменены место и время установки монумента (с одной из центральных площадей оно было перенесено на набережную) [В Орле..., www; Для врагов..., 2016; Царь..., 2016].

Важно, что обсуждению подверглась не только формальная сторона вопроса, но и исторические смыслы. В частности, речь идет об инициативе В. Гуляева, который в Канске

¹ «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (также известна под названием «Иван Грозный убивает своего сына») – картина русского художника Ильи Репина, написанная в 1883-1885 гг.

Красноярского края создал инсталляцию: он «поставил памятник» Ивану Грозному в виде кола для казни, заявив: «Не стоит ставить памятники людям, которые применяли целенаправленный террор против своего же народа», сравнив репрессии царя с репрессиями сталинского периода [В Красноярском крае..., www].

Более того, установка памятника в Орле побудила общественность к дискуссии, изучение которой показало, что 72% орловчан поддержали создание памятника, 71% россиян положительно оценивают роль Ивана Грозного в истории, а 65% россиян одобрили бы установку памятника Ивану Грозному в своем городе [Россияне..., www]. Тем не менее борьба «за статус» продолжилась в других городах, в том числе в городе Александрове, также связанным с личностью и жизнью царя. В итоге памятник там так и не был поставлен, после чего его установили в Москве, что также сопровождалось дискуссией [В центре..., www].

Феномен системного воздействия в контексте политики памяти

Когда мы говорим о пересмотре исторических представлений, то важное значение имеет не только сам рассматриваемый прецедент, например установка памятника, но также суть данного феномена, так как историческая политика предполагает системное воздействие на общество в контексте образования и социализации граждан. Также важным является элемент комплексности объектов исторической памяти. Рассмотрим эти два фактора подробнее.

Феномен системности можно представить следующим образом. Человек опутан сетью социальных отношений, многие из которых на нем замкнуты, т. е. он является мерилем их качества. В таких условиях важно, чтобы человек, участвуя в разных отношениях, воспринимал тематически близкий контент, например патриотического содержания. Сферы социального участия индивида меняются, так как сначала он ходит в садик, затем в школу, потом в колледж или университет и, наконец, устраивается на работу. Речь идет и о семье, праздниках, друзьях, государственных институтах. Если, к примеру, человек везде встречает национальный флаг, портрет лидера или иные образы, он начинает ассоциировать их с собой и своим существованием, что отнюдь не является феноменом тоталитаризма, так как не только китайские, но и американские дети ежедневно поднимают флаг, а в кабинетах государственных служащих портрет лидера висит не только в России и Турции, но и в Великобритании. В таких условиях человек предстает частью системы, какой бы хорошей или плохой она ни была. Более того, многие государства, не обладающие данной системой, стремятся к ее обретению, так как это позволит консолидировать общество и эффективнее добиваться национальных целей.

В связи с этим история и ее отдельные факты становятся основой интеграции людей через принцип общего мышления и восприятия конкретных фактов прошлого. Президент А. Линкольн в США освободил черных рабов, а царь Александр II – крестьян – это позитивное развитие исторического процесса. Рузвельт, Черчилль и Сталин создали Ялтинскую систему, победив фашизм, – и это снова позитивный шаг. Никто не смотрит на эти события в обратном ключе, рассуждая о том, что и Линкольн, и Александр II не доделали свои реформы и черные в США, как и крестьяне в России, получили реальные права только в 1960-е гг. Также никто не говорит о том, что Ялтинская система создала основу для холодной войны и подвергла мир угрозе ядерной войны, – и в этом суть локального и позитивно-ориентированного мышления, без которого пострадала бы национальная, региональная или локальная идентичность, так как исчезли бы те относительные идеалы, в которые верят рядовые граждане.

Фактор комплексности объектов исторической памяти не менее важен. Речь идет о том, что каждый отдельный элемент обращения к истории в оторванном от контекста виде может и не повлиять на общественное мнение. Например, возвращаясь к вопросу установки памятника Ивану Грозному, следует отметить, что в Москве 26 мая 2017 г. состоялось открытие Аллеи правителей, в том числе и открытие бюста первого русского царя [В Москве..., www]. Тем не менее это событие, даже связанное с именем министра культуры РФ, осталось рядовым и малозаметным. Обсуждались преимущественно художественные стороны работ, выполненных известным скульптором З. Церетели, в то время как сам факт установки тех или иных памятников обсуждался мало, хотя там присутствовали и бюсты Керенского, Ленина, Сталина, Горбачева, т. е. правителей, статус которых в современной России крайне неоднозначен (одно из немногих резонансных исключений – Радио Свобода [Абсурд..., www]). Более того, официальными лицами была дана рекомендация проводить там открытые уроки по истории для школьников, чтобы они могли проследить последовательность правителей, внимательно остановившись на каждом из них.

В таком случае возникает вопрос о том, почему памятник одному и тому же историческому герою, поставленный примерно в одно и то же время, вызывает такие разные эмоции и отзывы. Во-первых, вероятно, стоит вспомнить о персонализации. В Орле поставили памятник именно Ивану Грозному, а не многим правителям, которые там бывали. Кроме того, феномен «историчности» и откликов на историчность играет очень большую роль. На Аллее правителей в Москве Иван Грозный, как и другие, представлен в виде бюста, основанного на дореволюционном, достаточно абстрактном бюсте скульптора Ф. Шопена, который представляет монарха как одного из ряда правителей, на котором даже, в отличие от других правителей, отсутствует крест – символ религии и эпохи. Если изучить образ царя, представленный в Орле, то становится очевидным единство сразу нескольких символов. Так, царь держит в правой руке огромный крест, который символизирует святость и православие. Кроме того, сама статуя расположена около большого храма, создавая с ним определенный логический ансамбль. В левой руке скульптуры размещен меч, хотя царь не был воином и не прославился в битвах. Меч является агрессивным символом, обозначающим доминирование и насилие, но в данном случае он направлен вниз как знак примирения и готовности к диалогу в обмен на принятие христианских ценностей, например терпимости и добродетели. Наконец, третий, самый заметный элемент – конная статуя, что также демонстрирует не сочетающуюся с историческими данными боевую доблесть монарха, но, с другой стороны, указывает на доминирование статуи и представляемой ею личности над городом и горожанами, т. е. речь идет об искусственном возвышении для представления большего авторитета.

Политика памяти – тренд на визуализацию истории России

Показательно, что статуя Ивана Грозного в Орле хотя и является уникальной в художественном плане, представляет определенный тренд на визуализацию истории России в религиозном ключе с элементами доминирования объекта и подавления зрителя. Эта тактика является исторической и использовалась еще при строительстве храмов, в том числе в западной средневековой традиции, когда храм одновременно представал и домом для прихожан, и циклопической обителью бога, через волю которого трактовалась в том числе и природа монархической власти. Аналогичный подход можно наблюдать и в современной России, если смотреть на ситуацию в широком формате. Президент Путин, равно как и другие российские

политики и общественные деятели, активно использует тему духовности и исторической памяти, связывая их вместе в посланиях к депутатам или в общении с широкой аудиторией².

Обратим внимание на суть термина «духовность». Данный термин очень многогранен и политкорректен. Он как бы обобщает заповеди и духовные ценности, которые есть у разных народов Российской Федерации, включая православных, мусульман, иудеев и даже буддистов. В то же время данный термин консервативен и отсекает новые, преимущественно неолиберальные, ценности, которые ассоциируются с Западом и представляются президентом как «бесполовая и бесплотная толерантность», противостоящая российской консервативной традиции [Послание..., www].

Данная политика предстает сбалансированной, так как противопоставляет разное «старое», например религии, разному «новому», например однополым семьям или эвтаназии. Данная политика материальна, и уровень ее материализации постоянно увеличивается по мере того, как общество глубже воспринимает «корректный» и «современный» взгляд на историю. Мы не используем термин «правильный», так как система не является тоталитарной и возможны критика и дискуссия, однако на государственном уровне есть осознание пути развития, которому соответствует именно конкретный, актуальный сегодня «духовный» взгляд.

В контексте этого подхода развиваются и современная российская историческая политика, и процесс мемориализации. К примеру, для москвичей знаковым событием стала установка статуи Великого Киевского князя VIII-IX вв. Владимира Святого, известного в летописной традиции под языческим прозвищем «Красное Солнышко». Памятник был установлен 4 ноября 2016 г. в день народного единства и приурочен к 1000-летию с даты смерти князя. Показательно, что князь представлен именно как канонический святой. Статуя иллюстрирует собой грандиозный размах религиозности князя. Данный памятник перекликается с рассмотренным выше памятником Ивану Грозному в Орле и знаменует единство новой «духовной» традиции. В первую очередь обращает на себя внимание крест высотой 14 метров, который фактически доминирует над контекстом. Также показательно, что это не православный, а общехристианский крест, что символизирует определенные амбиции на общехристианскую значимость. Более того, древко креста расписано узорами, напоминающими одновременно и славянские, и кельтские, что создает диалог с европейской и скандинавской миссионерской традициями. Другой не менее важный элемент скульптуры – это меч, который представлен в ножнах острием вниз, но князь держит его в руке, демонстрируя скрытую готовность к его применению. Обращает на себя внимание и одежда князя, которая призвана символизировать преемственность традиций от язычества к христианству, так как одеяние украшено коловоротами – символом цикличности индоевропейских народов, близким к свастике. Наплечник князя украшен фигурой солнца, которая говорит сама за себя.

Очевидно, что заказчики и создатели такой статуи преследовали сразу несколько целей, в числе которых можно назвать демонстрацию доминирования российской православной и исторической традиции над украинской, связь поколений и народов, соотношение духовности и принуждения (насилия), а также в целом символизм арт-объекта.

Обобщая все эти смыслы, стоит сказать, что российская историческая политика претерпела перерождение после 2014 г., когда на Украине случился государственный

² См., например: Путин: Сохраняя духовность и впитывая новое, Россия останется собой. URL: https://tsargrad.tv/news/putin-sohranjaja-duhovnost-i-vpityvaja-novoe-rossija-ostanetsja-soboj_98481

переворот. Безусловно, основания для новой политики были и ранее, на что указывают послания президента предыдущих лет, однако можно сказать, что карты были открыты именно в этот момент, чему способствовали и разрыв с Западом, и конфликт с этнически близким народом, и другие культурно-политические факторы. В таких условиях все меньше места оставалось для политических компромиссов, все чаще звучало желание российского общества к однозначным пророссийским изменениям, таким как присоединение Крыма.

Исторический контекст также испытал на себе этот призыв. Усилились механизмы дискредитации ложной украинской истории, но, как мы уже отмечали в начале работы, нужно было символическое закрепление действий, которым и стало, к примеру, открытие циклопического памятника сооснователю-крестителю Древней Руси (ранее в учебниках писали «Киевской Руси» апеллируя к столице древнего государства) Великому князю Владимиру Святому.

В определенном смысле данная статуя характеризует собой целую эпоху и устремлена в будущее России, так как ее создание и облик, очевидно, находят отклик в официальном курсе истории для учеников средней школы Российской Федерации, и это основная тема для дискуссии по вопросу перспективной трансформации исторической памяти в России в будущем.

Заключение

Обобщая результаты сравнения двух основных кейсов данной статьи и сопутствующие данные, можно констатировать, что мемориальная политика в России в последние годы набирает обороты и становится одним из важных инструментов реализации общей государственной политики мягкой силы, реализуемой на внутривнутриполитическом пространстве. В то же время установка данных монументов, реализуемая в русле государственной политики, несет в себе, с одной стороны, мощный противоречивый потенциал, а с другой – нацелена на не вполне однозначный результат. Следует отметить, что историческая память в России не была и вряд ли когда-нибудь станет единой, так как содержит противоречивые воспоминания, поскольку каждая нация и этнос исторически испытывали серьезные, часто кровавые внутренние конфликты. Иногда такие конфликты заканчивались компромиссом, но обычно есть победители и побежденные, которые помнят разные вещи и даже одни и те же события запоминаются и оцениваются обеими сторонами по-разному, т. е. можно констатировать, что конфликт воспоминаний будет неизбежно сохраняться, несмотря на решения по установке памятников и создание мемориальных мест памяти.

Тем не менее, и это следует сказать в защиту проводимой государством политики, описанные кейсы, а также многие другие прецеденты мемориальной политики в современной России не носят универсального характера, а скорее характеризуются точечными решениями на региональном уровне, что указывает на применение государством в мемориальной политике диверсифицированного подхода, нацеленного на поддержание многих «акцентов» исторической памяти.

В итоге, несмотря на наличие многих «за» и «против» современной российской мемориальной политики, можно констатировать, что она во многом находится в начале своего пути и становление консерватизма как национальной идеологии неизбежно потребует дальнейшей проработки ценностей и их материального выражения в форме мест исторической памяти.

Библиография

1. Абсурд и безумие. URL: <https://www.svoboda.org/a/28748976.html>
2. В Красноярском крае художник поставил памятник Ивану Грозному в виде кола. URL: <https://tvk6.ru/publications/news/21912/>
3. В Москве открылась Аллея правителей. URL: <https://ria.ru/20170526/1495157134.html>
4. В Орле установили памятник Ивану Грозному. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/>
5. В центре Москвы установили памятник Ивану Грозному. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/07/2017/59789f619a7947e4707bb1d3>
6. Для врагов – Грозный, для России – Великий // Орловская правда. 2016. 16 августа. С. 3.
7. История культовой фотографии Че Гевары. URL: <https://stoneforest.ru/look/culture/foto/istoriya-kultovoj-fotografii-che-gevary/>
8. Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
9. Путин объявил о рассекречивании «особых» архивов. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/44125>
10. Россияне рассказали, как они оценивают роль Ивана Грозного в истории. URL: <https://ria.ru/20161108/1480880186.html>
11. Царь, спасибо за Орел // Орловская правда. 2016. 18 октября. С. 1.
12. Pomian K. Divided memory: European sites of memory as political and cultural phenomenon. URL: <http://enrs.eu/pl/articles/219-divided-memory>

The memory policy as an element of the Russian political discourse: from cases to the conception

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State Humanities University,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Abstract

The transformation of the principles and structure of the memory policy occurs in all countries and regions of the world under the influence of internal and external political factors. The article points out that Russia, which sharply moved from the communist ideology first to a liberal and then to a conservative ideological and political model, is also a participant in this process. Nevertheless, the new image of the official model of Russian historical memory is considered to be rather abstract, it has many interpretations and requires a deep and diverse study. In this regard, the article aims to carry out an analysis of the Russian practice of developing the memory policy through the prism of studying a number of emblematic cases of recent years. The author of the article deals with important events of the Russian memory policy, represented by the installation of monuments to several historical figures, as such cases, including the monument to the first Russian tsar Ivan the Terrible and the Baptist of Russia Saint Prince Vladimir. The article pays special attention to the fact that the state consciously pursues a centralised memory policy. Its symbols include monuments erected with state support, which symbolise the historical past.

For citation

Medushevskii N.A. (2019) Memorial'naya politika kak element rossiiskogo politicheskogo diskursa: ot keisov k kontseptsii [The memory policy as an element of the Russian political discourse: from cases to the conception]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (2A), pp. 5-14.

Keywords

Memory policy, memory relief, historical memory distortion, monument, history visualisation.

References

1. *Absurd i bezumie* [Absurdity and madness]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28748976.html> [Accessed 24/03/19].
2. Dlya vragov – Groznyi, dlya Rossii – Velikii [For enemies – the Terrible, for Russia – the Great] (2016). *Orlovskaya pravda* [Orel truth], 16th Aug, p. 3.
3. *Istoriya kul'tovoi fotografii Che Gevary* [The history of the cult photograph of Che Guevara]. Available at: <https://stoneforest.ru/look/culture/foto/istoriya-kultovoj-fotografii-che-gevary/> [Accessed 24/03/19].
4. Pomian K. *Divided memory: European sites of memory as political and cultural phenomenon*. Available at: <http://enrs.eu/pl/articles/219-divided-memory> [Accessed 24/03/19].
5. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2012* [The presidential address to the Federal Assembly of the Russian Federation delivered on December 12, 2012]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> [Accessed 24/03/19].
6. *Putin ob"yavil o rassekrechivanii "osobykh" arkhivov* [Putin announced the declassification of "special" archives]. Available at: <https://www.putin-today.ru/archives/44125> [Accessed 24/03/19].
7. *Rossiyane rasskazali, kak oni otsenivayut rol' Ivana Groznogo v istorii* [The Russians have said how they evaluate the role of Ivan the Terrible in history]. Available at: <https://ria.ru/20161108/1480880186.html> [Accessed 24/03/19].
8. Tsar', spasibo za Orel [Tsar, thanks for Orel] (2016). *Orlovskaya pravda* [Orel truth], 18 Oct, p. 1.
9. *V Krasnoyarskom krae khudozhnik postavil pamyatnik Ivanu Groznomu v vide kola* [The artist put up a monument to Ivan the Terrible in the form of a stake in the Krasnoyarsk territory]. Available at: <https://tvk6.ru/publications/news/21912/> [Accessed 24/03/19].
10. *V Moskve otkrylas' Alleya pravitelei* [The Alley of rulers was opened in Moscow]. Available at: <https://ria.ru/20170526/1495157134.html> [Accessed 24/03/19].
11. *V Orle ustanovili pamyatnik Ivanu Groznomu* [A monument to Ivan the Terrible was erected in Orel]. Available at: <https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/> [Accessed 24/03/19].
12. *V tsentre Moskvy ustanovili pamyatnik Ivanu Groznomu* [A monument to Ivan the Terrible was erected in the centre of Moscow]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/26/07/2017/59789f619a7947e4707bb1d3> [Accessed 24/03/19].